

Маниакальная защита

Д.В. Винникотт

1935

Содержание

Введение	2
Характеристики маниакальной защиты	4
Отрицание определённых аспектов депрессивных чувств	6
Маниакальная защита и символизм	7
Клинические случаи	8
* * *	10
* * *	12
* * *	12
Резюме	14

Введение

Лично для меня углублённое понимание концепции Mrs Klein, названной ею «маниакальная защита», приходит с постепенным углублением моего понимания того, что такое внутренняя реальность. Три-четыре года назад я противопоставил понятия «фантазия» и «реальность», что заставило моих друзей — не психоаналитиков сказать мне, что использование мною слова «фантазия» отличается от принятого использования этого термина. Я ответил на их возражения, что недопонимание неизбежно, поскольку (как, например, с использованием в психоанализе слова «тревога») было бы легче объяснить изобретение нового слова, чем применять уже существующее слово с новым смысловым оттенком.

Постепенно, однако, я обнаружил, что использую слово «фантазия» в его обычном значении, и пришел к идее сравнения внешней реальности не столько с фантазией, сколько с внутренней реальностью.

Отчасти то, что я рассматриваю, является игрой слов, поскольку, пока не будет достаточно серьезного отношения к «фантазии», сознательной и бессознательной, не будут прилагаться усилия к использованию термина внутренняя реальность. Более того, на мой взгляд, может быть для кого-то изменение в терминологии повлечет за собой более глубокую веру во внутреннюю реальность¹.

Связь между этим вступлением и названием моей статьи — «Маниакальная защита» — состоит в том, что частично оно само является маниакальной защитой от полного определения внутренней реальности. Существуют колебания в способности принимать во внимание внутреннюю реальность, связанные с собственной депрессивной тревогой. Следствием оказывается то, что однажды в психоаналитической практике пациент, который использует главным образом маниакальную защиту, предоставляет материал, который бросает вызов любой существующей в это время интерпретации; однако заметки об ассоциациях этого времени могут сделать вполне понятным прочтение материала в последующем.

Новое понимание заставляет нас вновь объявить о «бегстве в реальность» (Searl, 1929) как о бегстве от внутренней реальности, а не от фантазии. Внутренняя реальность описывает сама себя в терминах фантазии, и все же это понятие не синонимично фантазии, так как используется для обозначения той фантазии, которая является индивидуальной и организованной, и исторически относящейся к физическим переживаниям, возбуждениям, удовольствиям и боли младенчества. Фантазия — это часть усилий индивида по обращению с внутренней реальностью. Можно сказать, что фантазии² и сны наяву являются всемогущей манипуляцией внешней реальностью. Всемогущий контроль реальности подразумевает фантазии о реальности. Индивид достигает внешней реальности через всемогущие фантазии, выработанные в усилиях уйти от реальности внутренней.

В последнем параграфе своей статьи («Бегство в реальность» 1929) мисс Searl пишет: «... в опасности (ребенок) хочет сохранить идеальных, любящих и любимых, родителей всегда с собой, без страха сепарации; в то же самое время он (ребенок) в ненависти хочет разрушить злых, требовательных родителей, которые оставляют его, подвергая внушающим страх опасностям неудовлетворенного либидинозного напряжения. Т. е.

¹ Понятие «психическая реальность» не оставляет места для фантазий; понятие «внутренняя реальность» предполагает существование внутреннего и внешнего мира, а следовательно, также существование ограничивающей мембраны, которая относится к тому, что я сегодня называл бы «психосомой» ("psyche-soma"). — Примечание 1957 года.

² Сегодня я бы использовал выражение «фантазирование» ("fantasying"). — Примечание 1957 года. 3

во всемогущей фантазии ребенок съедает одновременно и любящих и требовательных родителей...».

Я чувствую, что момент, который здесь опущен — это признание отношения к объектам, которые ощущаются существующими внутри. Может показаться, что то, с чем мы встретились, это не просто фантазия об объединении хороших и плохих родителей, мы сталкиваемся с фактом, которого ребенок в значительной степени не сознает (по тем же причинам, которые действуют во взаимоотношениях ребенка с внешними родителями), а именно тем, что садистические атаки продолжаются внутри ребенка: атаки на хороших или взаимно любящих друг друга родителей (потому что, будучи счастливыми вместе, они являются фрустрирующими), атаки на родителей, которые становятся плохими из-за ненависти, защита от плохих объектов, которые теперь угрожают также и Эго, а также попытки уберечь хорошее от плохого и использовать плохое для противодействия плохому, и т. д.

Всемогущие фантазии это не столько внутренняя реальность сама по себе, сколько защита от ее принятия. В этой защите можно найти бегство во всемогущие фантазии, а также бегство от одних фантазий к другим и в результате бегство к внешней реальности. Поэтому мне кажется, что нельзя сравнивать и противопоставлять фантазию и реальность. В заурядных книгах о приключениях мы часто видим, как автор убегает в детские мечты, а затем использует реальную действительность как точно такой же полет фантазии. Он не осознает внутреннюю депрессивную тревогу, от которой бежал. Он ведет жизнь, полную случайностей и приключений, которую точно описывает. Но на читателя он производит впечатление относительно неглубокой личности по той причине, что автор-путешественник утверждает свою жизнь на отрицании индивидуальной внутренней реальности. Поэтому многие переходят с облегчением от подобных писателей к другим, которые могут допустить депрессивную тревогу и сомнение.

В течение анализа можно проследить уменьшение маниакальной защиты в поведении и фантазиях пациентов. По мере снижения депрессивной тревоги и возрастания веры в хорошие внутренние объекты в результате анализа маниакальная защита становится менее интенсивной и менее необходимой, а также менее заметной.

Можно связать уменьшение всемогущих манипуляций, контроля и обесценивания до нормы с той степенью маниакальной защиты, которая используется всеми в повседневной жизни. Например, кто-то видит, как в мюзик-холле на сцену выходят танцоры, обученные выглядеть энергично и живо. Можно сказать, что здесь имеет место первичная сцена, или эксгибиционизм, или проявление анального контроля, или мазохистическое подчинение дисциплине, или вызов Супер-Эго. Раньше или позже кто-то добавит: это ЖИЗНЬ. Как бы то ни было, главным в представлении является отрицание смертности, защита от депрессивных идей «смерти внутри», сексуализация же здесь вторична.

А как насчет таких вещей как бесконечно работающее радио? А как насчет жизни в городе вроде Лондона с его шумом, который никогда не прекращается, и огнями, которые никогда не гаснут? Все это иллюстрирует получение защиты от внутренней смерти через реальность и использование маниакальной защиты, которая может быть вполне нормальной.

Опять же, в отчетах о состоянии двора и в светских новостях в наших газетах, мы должны в соответствии со всеобщей потребностью постулировать уверенность в защищенности против идей болезни и смерти королевской семьи и аристократии. Подобные заверения могут быть даны с помощью публикации достоверных фактов. Но не существует никакого заверения, способного защитить нас от разрушения и дезорганизации соответствующих фигур во внутренней реальности. Слов «Боже храни Короля»

недостаточно, чтобы сказать, что мы хотим спасти короля от бессознательной ненависти, которую к нему питаем. Мы можем сказать, что в бессознательной фантазии мы действительно убиваем его, и хотим спасти его от нашей фантазии. Но это будет злоупотреблением словом фантазия. Я предпочитаю говорить, что в нашей внутренней реальности внутренний отец все время убивается, обкрадывается, сжигается и разрубается на куски, и мы приветствуем персонализацию этого интернализированного отца мужчиной, которому мы можем помочь спастись. Дворцовый траур — это обязательный порядок, который отдает дань нормальности траура. В маниакальной защите траур не может быть испытан.

В колонке королевского двора в наших газетах сообщается и предсказывается передвижение аристократии, и в этом можно увидеть тонко завуалированный всемогущий контроль над личностями, которые стоят за внутренними объектами.

Безусловно, едва ли можно обсуждать вообще, является ли подобный механизм нормальным приобретением уверенности через реальность или ненормальной маниакальной защитой, однако возможно обсуждать использование защиты, с которой мы встречаемся в процессе анализа пациента.

В маниакальной защите отношения с внешними объектами используются как попытка уменьшить напряжение во внутренней реальности. Но характерной чертой маниакальной защиты является то, что индивид не способен полностью поверить в жизненную силу, которая отрицает смерть, так как он не верит в собственную способность к объектной любви; поскольку исправление реально только тогда, когда признается разрушение.

Возможно, отчасти наши трудности в достижении согласия по поводу термина для явления, которое в настоящее время называют маниакальной защитой, непосредственно связаны с природой самой маниакальной защиты. Ничему не может помочь и замечание, что слово «депрессия» используется не только в научной, но и, довольно точно, в разговорной речи. Не просматривается ли в этом интроспекция, которая сопровождает депрессию? Тот факт, что не существует разговорного термина для маниакальной защиты, может быть связан с недостатком самокритики, который сопровождает ее клинические проявления. Согласно истинной природе маниакальной защиты мы можем ожидать неспособности достичь понимания ее с помощью интроспекции в тот момент, когда эта защита действует.

Когда мы в депрессии, мы чувствуем подавленность. Когда у нас действует маниакальная защита, мы менее всего чувствуем, что защищаемся от депрессии. В такие моменты мы скорее чувствуем приподнятое настроение, счастье, занятость, возбуждение, нам смешно, мы всеведущи, «полны жизни», и в тоже время нас меньше, чем обычно интересуют серьезные вещи и ужасы ненависти, разрушения и убийства.

Не хочу утверждать, что в анализе прошлого³ самые глубокие бессознательные фантазии, которые (следуя Фрейду) я здесь называю «внутренней реальностью», не достигались. Изучая психоаналитическую технику, мы учимся интерпретировать в пределах переноса. Полный анализ переноса дает анализ внутренней реальности. Но понимание последней необходимо для ясного понимания переноса.

Характеристики маниакальной защиты

Сейчас я подошел, пожалуй, к более конкретному исследованию маниакальной защиты. Ее характеристиками являются всемогущая манипуляция или контроль и

³Т. е. в психоанализе до Кляйн.

высокомерное обесценивание; она организована в отношении тревог, принадлежащих депрессии, которая является настроением, происходящим из сосуществования любви, жадности и ненависти во взаимоотношениях между внутренними объектами.

Маниакальная защита проявляется в нескольких различных, но взаимосвязанных способах, а именно:

Отрицание внутренней реальности.

Бегство во внешнюю реальность от внутренней реальности.

Удерживание людей внутренней реальности в состоянии «приостановленного оживления» («suspended animation»).

Отрицание депрессивных ощущений, а именно: тяжести, печали - с помощью характерных противоположных ощущений: легкости, шутливости и т. д.

Использование практически любых противоположностей идеи смерти, хаоса, тайны и т. д., которые относятся к содержанию фантазий депрессивной позиции.

Отрицание внутренней реальности. Я уже ссылался на это, объясняя отсрочку в моем собственном осознании глубинных бессознательных фантазий. Клинически мы видим не столько отрицание, сколько восторг, связанный с отрицанием, или чувством нереальности по отношению к внешней реальности, или беззаботности по отношению к серьезным вещам.

Существует тип частичного признания внутренней реальности, который стоит упомянуть в этой ситуации. Мы можем столкнуться с поразительно глубоким признанием некоторых аспектов внутренней реальности у людей, которые тем не менее не признают, что персоны, которые живут в них, это часть их самих. Художник чувствует, как будто картина рисуется кем-то, кто действует изнутри него, или проповедник чувствует, как будто Бог говорит через него. Многие люди, которые ведут нормальную и полезную жизнь, не чувствуют, что они ответственны за то лучшее, что есть в них. Они горды и счастливы быть представителем любимой и восхитительной личности, или же Бога, но они отрицают свое родительство (parenthood) по отношению к внутренним объектам. Я думаю, что больше было написано о плохих интернализированных объектах, от которых отреклись, чем об отрицании хороших внутренних сил и объектов.

Здесь существует практический момент, в соответствии с которым в анализе наиболее удовлетворительного типа религиозного пациента является полезным работать с ним как бы на основе согласия о признании внутренней реальности, позволив такому пациенту автоматически прийти к признанию личностного истока своего Бога в результате уменьшения тревоги в ходе анализа депрессивной позиции. Неизбежной опасностью для аналитика является его мнение о том, что Бог пациента — это «фантазийный объект». Использование этого слова создало бы у пациента чувство, что аналитик недооценивает хороший объект, чего он на самом деле не делает. Я думаю, что что-то подобное может касаться и анализа художника в отношении источника его вдохновения, и анализа внутренних фигур и воображаемых товарищей, которыми наши пациенты способны представить нас.

Бегство во внешнюю реальность из внутренней реальности. Существует несколько клинических типов этого явления. Существуют пациенты, которые делают внешнюю реальность выражением фантазий. Есть пациенты, чьи сны наяву — всемогущая манипуляция реальностью, но они понимают, что это манипуляция. Есть пациенты, которые эксплуатируют каждый возможный физический аспект сексуальности и чувственности. И есть пациенты, которые используют внутренние телесные ощущения. Из двух последних, первый — компульсивный мастурбатор — ослабляет психическое напряжение с помощью удовлетворения, получаемого от аутоэротической активности или от принуди-

тельного гетеросексуального или гомосексуального опыта, а второй — ипохондрик — приходит к принятию психического напряжения через отрицание содержания фантазий.

Приостановленное оживление (animation). В этом аспекте защиты, в котором, пациент контролирует внутренних родителей, удерживая их между жизнью и смертью, опасности внутренней реальности (с её хорошими объектами, которым угрожают, её плохими объектами и частями объектов и с её опасными преследователями) до некоторой степени признаны (бессознательно) и взаимодействуют. Защита является неудовлетворительной, так как всемогущий контроль плохих внутренних родителей прекращает все хорошие отношения, и пациент ощущает себя внутренне мертвым и видит мир лишенным красок. Мой второй случай иллюстрирует это.

Отрицание определённых аспектов депрессивных чувств

Использование противоположностей в успокоении. Противоположности должны рассматриваться вместе. Чтобы проиллюстрировать мою точку зрения, я привожу серию противоположностей, обычно используемых во всемогущих фантазиях и во всемогущем контроле внешней реальности пациентами, которые находятся в состоянии маниакальной защиты. Некоторые из них обычно используются больше для достижения успокоения через внешнюю реальность, поэтому это всемогущество и обесценивание являются не такими уж очевидными.

Пустое – Наполненное

Мёртвое – Живое, растущее

Неподвижное – Подвижное

Серое – Цветное

Тёмное – Светлое, светящееся

Неизменное – Постоянно меняющееся

Медленное – Быстрое

Внутри – Снаружи

Тяжелое – Легкое

Опускающееся – Поднимающееся

Низко – Высоко

Огорченное – Смеющееся, счастливое

Подавленное – С легкой головой, на вершине мира

Серьезное – Юмористическое

Разъединенное – Соединенное

Разъединяющее – Соединяющее

Бесформенное – Сформированное, пропорциональное

Хаос – Порядок

Диссонанс – Гармония

Неудача – Успех

По частям – Целое

Неизвестное и таинственное – Известное и понятное

Ключевые слова здесь «мертвое» и «живое — подвижное — растущее».

Депрессия — Подъем

Я бы хотел остановиться на какое-то время на одной из этих защит, которая меня особенно интересует.

Пока я искал слово, которое могло бы описать все защиты от депрессивной позиции, я натолкнулся на слово «подъем». Доктор J.M. Taylor посоветовал мне его как противоположность депрессивности, и оно лучше, чем слово «жизнерадостный», которое хорошо известно в качестве противоположности депрессии по докладам фондовой биржи.

На мой взгляд, слово «подъем» может быть использовано с целью привлечь внимание к защите от тех аспектов депрессии, которые подразумеваются в таких терминах, как «тяжесть в сердце», «глубина отчаяния», «чувство внезапной слабости» и т. д.

Стоит только подумать о словах «тяжелый», «тяжесть», «сила тяжести», и о словах «легкий», «легкость», «левитация»; каждое из них имеет двойное значение. Тяжесть обозначает серьезность, но она также используется для описания физической силы. Легкость обозначает обесценивание и подшучивание, также как недостаток физической тяжести. В детской игре я всегда находил, что воздушные шары, аэропланы и ковры-самолеты включают обозначение элементов маниакальной защиты, иногда нарочно, а иногда случайно. Также просветленно-легкая голова⁴ — это общий симптом надвигающейся депрессивной фазы; стараясь защититься от депрессии, голова как бы наполняется газом, стремящимся поднять пациента над его проблемами. В связи с этим интересно отметить, что в смехе мы показываем себе и своим друзьям, что у нас избыток воздуха, тогда как во вздохе и рыданиях мы показываем относительный недостаток в нем с помощью нашего нормированного вдыхания.

Слово «подъем» выводит на передний план значение Вознесения в христианской религии. Я думаю, что мне стоило бы, с одной стороны, описать Распятие и Воскрешение как символическую кастрацию с последующей эрекцией несмотря на телесное унижение. Однако, если бы я предложил подобное объяснение христианину, я бы столкнулся с протестом не только вследствие общего отвержения бессознательного сексуального символизма; по крайней мере часть получающегося в результате негодования может быть объяснена⁵ тем, что я не учел важность символики депрессии-подъема в мифе. Каждый год христианин испытывает всю глубину печали, отчаяния, безнадежности в переживаниях Страстной пятницы. Обычный христианин не может выдержать депрессию так долго, и поэтому он переходит в маниакальную фазу в Пасхальную воскресенье. Воскрешение характеризует восстановление после депрессии.

Многие находят достаточно много печали и самостоятельно, без помощи религии, и даже могут выносить печаль без поддержки, позволяющей разделить это переживание; но иногда, когда я слушаю в анализе людей, насмехающихся над религией, меня поражает, что они демонстрируют маниакальную защиту в том, что не в состоянии признать печаль, вину и бесполезность, а также ценность достижения чего-то, принадлежащего персональной внутренней или психической реальности.

Маниакальная защита и символизм

Выбранная мною тема несомненно допускает широкое толкование. Предмет, который очень интересует лично меня — это теоретическая связь между феноменом маниакальной защиты и символизмом. Например, подъем, очевидно, имеет фаллическое значение, т.е. значение эрекции, но это вовсе не то же самое, что подъем в контр-депрессивном значении. Воздушные шары используют в фантазиях и играх как символ тела матери или груди, беременности, эрекции; они также используются как символы, противоположные

⁴Ср. «приподнятое настроение».

⁵Эта идея было выражена Brierley (1951, гл. 6).

депрессии. В отношении чувств они являются контр-депрессивными, какой бы объект они не замещали.

Падение имеет сексуальное или пассивно-мазохистское значение, но также и депрессивное, и т. д.

Женщина может завидовать мужчине, желать быть мужчиной, ненавидеть то, что она женщина, поскольку, будучи подвержена депрессивному беспокойству, она приходит к идентификации мужчины с эрекцией и, соответственно, с подъемом маниакальной защиты.

Эти и другие отношения между маниакальной защитой и сексуальным символизмом должны быть оставлены для дальнейшего рассмотрения.

Клинические случаи

Было бы нетрудно привести уместные детали из материалов этой или любой другой недели о каждом из 10 пациентов, которые в настоящее время находятся у меня в лечении.

Я выбрал фрагменты четырех случаев. Первых двух пациентов можно отнести к асоциальному типу, третий — тяжело обсессивный, четвертый — депрессивный.

Первому, Билли, 5 лет, и работа с ним состояла из 4 стадий. Когда он пришел ко мне в три с половиной, он был беспокойным, заинтересованный главным образом деньгами и мороженым, довольно жадным при отсутствии способности наслаждаться тем, что получал. Он начинал воровать деньги, и я считаю, что без анализа он мог бы стать правонарушителем, тем более, что он жил в доме, где был единственным ребенком отстраненных родителей. Его поведение в начале анализа согласовывалось с диагнозами: «асоциальный, потенциальный правонарушитель».

Я сошлюсь на три игры, которые выбрал наугад и все же, думаю, справедливо, чтобы проиллюстрировать изменения, происходившие в процессе анализа. Между первой и второй, и между третьей и четвертой стадиями был интервал несколько месяцев.

На самой ранней стадии, до первой из трех игр, вряд ли можно было описать его активность как игру — скорее это были дикие атаки на пиратов.

В первой игре он разместился в жерле пушки, из которой я должен был выстрелить. Он взлетал высоко и стремительно несся через континенты к Африке. На своем пути он сбивал различных людей палкой, а в Африке — имел дело с аборигенами, занимаясь с ними различными делами: посылкой их на вершины деревьев, в глубокие колодцы, отрезанием головы вождя.

Через час, в течение которого эта игра была доминирующей, он был чрезвычайно возбужден, и я не удивился, когда в конце этого часа, получив разрешение выйти из моей комнаты на втором этаже, он по ошибке нажал не ту кнопку лифта и очень испугался. В то день я сопровождал его (потихоньку), поскольку он был в экзальтированном состоянии, и я мог бы помочь ему в случае затруднения; он стал гораздо увереннее, поняв, что я оценил его нестандартное состояние и оказался рядом, когда он был в беде.

Этот час последовал за сценой дома, с матерью, которая, конечно же, была причиной его амбивалентности, ставшей сейчас очевидной. Это также привело к кульминации его так называемого маниакального поведения и было связано во времени с анализом депрессивной позиции и приближением чувств печали и безнадежности. С достижением чувства печали впервые стало возможным возвращение конструктивной игры.

Игра, которая напомнила мне о том, что я только что описал, касалась путешествия на аэроплане. Это было после интервала в несколько месяцев. Мы опять летим в Африку

и ждем врагов. Мы смотрим на мир сверху вниз и смеемся, что он такой маленький. Главная особенность этого путешествия в том, что мы очень подготовлены и осторожны. У нас есть две книги инструкций как летать на гидросамолете и на аэроплане. У нас еще есть два двигателя и вертолет на случай, если наш мотор сломается, и еще парашюты для каждого. У нас есть специальные шасси на случай посадки на воду. Еще есть хорошие запасы продовольствия и мешок золота на случай, если будет не хватать еды или запасных частей. И еще многими способами мы застрахованы от всевозможных неприятностей.

В этой, второй, игре обсессивный механизм присутствует очень выражено, преследователи поднимаются в статусе, присутствуют аэропланы другой страны, способные стать союзниками в войне с третьей страной. (Это показывает дальнейшая игра.) Обесценивание и всемогущество уменьшились, но пребывание наверху не могло быть объяснено только тем, что мы находились ранее в позиции столь низкой, буквально копясь в грязи — это было и началом подъема или контр-депрессивных чувств.

Чтобы сравнить эти две игры, я приведу еще одну — более позднюю.

Мы строили корабль, чтобы попасть на пиратские земли. В этой игре (из которой я привожу только общие детали) мы забываем нашу цель, поскольку день очень хорош. Мы лежим на палубе, греемся на солнышке и наслаждаемся товарищескими отношениями в счастливом неведении. Время от времени мы ныряем в море и лениво плаваем. Вокруг есть акулы и крокодилы, которые иногда напоминают нам о преследователях, но у мальчика есть оружие, которое стреляет даже под водой, и мы можем не волноваться.

Мы берем на борт маленькую девочку, которая тонет, и мы ее спасаем и делает американские горки для ее куклы. Капитан доставил нам некоторые неприятности. Мотор остановился, и после некоторых поисков выяснилось, что капитан напихал грязи в рабочие части машины. Ну что за капитан! Он вытащил грязь, и мы поплыли дальше, наслаждаясь удовольствием от света и воды.

Сравнение этой игры с фрагментами двух других игр показывает уменьшение persecutorной тревоги (пираты в прошлом представляли постоянную опасность), появление хороших объектов из плохих (море раньше изобиловало крокодилами и было полностью плохим), появление веры в доброту и удовольствие (свет и общее чувство праздника), соединение фантазии и опыта физического действия (оружие, стреляющее под водой), управление качествами — предательство капитана, которое он потом сам компенсирует (вытаскивая грязь из двигателя), новые объектные отношения (особенно заметные во включении хорошего объекта в виде маленькой девочки, спасенной в море и осчастливленной хорошо организованными качелями), а также уменьшение навязчивой перестраховки от рискованных ситуаций. Обесценивание не является будущим этой игры.

Здесь видна и маниакальная защита, которая доходит до такой степени, что об опасностях забывают, но тот факт, что внутренние объекты совершенствуются, делает маниакальную защиту менее сильной и вызывает другие изменения. Эта маниакальная защита имеет дело с опасностью маниакальным образом, через охоту на преследователей внутри тела (под водой), однако видно и усиление отношений с внешней реальностью от охоты под водой до принятия ванны.

Я играю роль и воображаемого брата, и матери.

Клинически Билли изменился и выглядит более нормальным ребенком. Он успевает в школе и получает удовольствие от общения с другими детьми и преподавателями. Дома он еще недостаточно нормален; он все еще требует деньги, бывает шумным и склонен к неблагоприятному поведению, особенно к началу обеда. Но он восхитительно

индивидуален, с пониманием относится к трудностям родителей, которые по-прежнему прохладны друг к другу. Его мать сама очень больна, депрессивна и принимает наркотики.

* * *

Дэвид (8 лет), другой асоциальный ребенок. Приход ко мне был для него альтернативой исключения из школы из-за «сексуальных и связанных с туалетом навязчивых идей» и каких-то неопределенных защитных действий по отношению к некоторым мальчикам и девочкам. Он единственный ребенок талантливого, но депрессивного отца, который иногда лежит в кровати по несколько дней без видимых на то причин, и матери, которая — как она сама призналась — очень невротична из-за беспокойства по поводу сложившейся в доме ситуации. Мать оказала мне превосходную поддержку.

Как большинство делинквентных детей, Дэвид сразу же располагал к себе любого, кто не находился с ним в длительном контакте. Действительно, с тех пор как началось лечение, не было ни одного неприятного происшествия, но мне сказали, что, находясь в чьем-то обществе долго, он становится надоедливым, требующим, чтобы его заняли. Его знания о внешней реальности удивительны, хотя и типичны для делинквента.

В начале работы он сказал мне: «Надеюсь, я не надоедаю тебе». Этот факт в совокупности с тем, что мне сказали родители о постоянном надоедании им, а также мой опыт в подобных случаях моей практики (относящийся к тому времени, когда я многого не понимал о внутренней реальности), настроили меня на подготовку к утомительному случаю.

Однажды, когда я описывал лечение делинквентного ребенка на семинаре, доктор Ernest Jones отметил, что есть практический вопрос, не ограничивающийся этим случаем, а именно: неужели невозможно избежать истощенности, работая с делинквентом? Потому что, если это так, существуют серьезные ограничения в работе с подобными случаями. В то время, однако, доктор Schimideberg работала с делинквентным ребенком, не испытывая серьезных трудностей в проведении анализа, поэтому я почувствовал, что то, что доктор Jones имел в виду, касается ошибок в моей технике⁶.

Цель утомить меня вскоре заявила о себе, но перед этим был возможен хороший анализ. Игра в основном с маленькими игрушками дала возможность Дэвиду предоставить мне и себе изобилие фантазий с большим количеством деталей⁷.

Через несколько дней стало заметно, что Дэвид бежит от тревог, принадлежащим глубинным фантазиям, к внешнему миру, улицам, которые были видны из окна, и к миру за моей дверью — особенно к лифту. Пространство комнаты стало его собственным внутренним пространством, и поскольку ему приходилось общаться со мной и с содержимым моей комнаты (отцом и матерью, колдунами, призраками, преследователями и т. д.) он вынужден был использовать способы контроля над ними. Сначала он должен был утомить их, так как боялся, что не сможет их контролировать, — я чувствовал, что в этом он демонстрирует некоторое недоверие к всемогуществу. У меня были доказательства суицидального импульса на этой стадии. Вместе с необходимостью утомить

⁶Теперь я вижу, что замечание Dr. Jones содержало указание на реальную проблему, и позднее я развивал эту тему (см. гл. 22 [«Метапсихологические и клинические аспекты регрессии в психоаналитической ситуации»]).

⁷Введение Кляйн маленьких игрушек было блестящей идеей, так как дало ребенку возможность высокомерного обесценивания и сделало его всемогущество почти свершившимся фактом. Ребенок становится способным выразить глубинные фантазии посредством небольших игрушек вначале лечения и начать с некоторой веры в свою собственную внутреннюю реальность.

меня, развивалось желание спасти меня от истощения, т. е. как хозяин-эксплуататор он брал на себя огромную работу, чтобы его раб не истощился. Он давал мне обязательные периоды отдыха.

Вскоре стало ясно, что это именно он истощен, и проблема усталости аналитика была постепенно решена с помощью интерпретации его собственного истощения из-за контроля внутренних родителей, которые истощали друг друга также, как и его.

Однажды так случилось, что Дэвид пришел ко мне в 11 часов в День Перемирия. Вопрос соблюдения ритуала этого дня его крайне интересовал; не только потому, что его отец воевал на войне, но и, как он уже обнаружил раньше (перед анализом и в связи с анализом), у него был интерес к улицам и к движению на них, как к образцу неподдающейся контролю внутренней реальности.

Он пришел очень довольный покупкой маков у какой-то женщины, а в 11 часов его очень заинтересовали все детали событий на улице. Затем наступило двухминутное молчание. Это была полная тишина в моем присутствии, и он был очень доволен. «Не правда ли это прекрасно!». В течение двух минут своей жизни он не чувствовал себя уставшим, поскольку ему не нужно было утомлять родителей с того момента, как пришел навязанный извне всемогущий контроль и был принят всеми как реальный.

Интересной была его фантазия о том, что во время тишины женщина продолжала продавать цветы⁸, это была единственная разрешенная активность; более маниакальное внутреннее всемогущество остановило бы все (включая хорошее).

Анализ депрессивной позиции и маниакальной защиты уменьшил его лихорадочное удовольствие от аналитической работы. Моменты сильной усталости, печали и безнадежности возникали все время, и он показывал косвенные доказательства чувства вины. В течение нескольких недель у него были игры, в которых я должен был становиться очень испуганным, и непременно виноватым, и в которых у меня были самые ужасные кошмары. На этой неделе он даже сам играл в испуг, и сегодня он действительно чего-то боялся. Он оказывал мне сопротивление, пытаясь заставить меня научить его нырять, чему, кстати, он отказывался учиться, и мне пришлось сказать: «Сейчас ты тратишь мое время. Как я могу научить тебя нырять, если ты не можешь стоять? Я очень сердит на тебя!» — и т. д. и т. п. Все это стало потрясающей шуткой, он меня искренне рассмешил и был потом очень доволен. Но теперь он осознал, что все шутки — это часть защиты от депрессивной позиции, и в настоящее время особенно от чувства вины; в то же время защита была постепенно проанализирована.

Как же он может нырнуть внутрь своего тела⁹, во внутреннюю реальность, если он не может оставаться уверенным в том, что он жив? Представляете, что он найдет внутри?

Случай Дэвида иллюстрирует опасность для Эго, исходящую от плохих внутренних объектов; мальчик боялся того, что он станет опустошенным и истощенным внутренними родителями, которые постоянно опустошали друг друга.

Дэвид показал побег от внутренней реальности к заинтересованности поверхностью своего тела и к его внешним чувствам, и от этого к заинтересованности телами и чувствам других детей.

Прогресс в его анализе также иллюстрирует важность понимания механизма всемогущего контроля внутренних объектов, а также связи отрицания усталости, тревоги и чувства вины с отрицанием внутренней реальности.

⁸Это была только идея, а не фактическое знание.

⁹Теперь я бы добавил к этому идею о его встрече с депрессией матери при погружении в ее внутренний мир.

* * *

Шарлотта (30 лет) была у меня в анализе 2 месяца. Она клинически депрессивна, у нее наблюдаются суицидальные страхи, но также наблюдается и некоторое удовольствие от работы как от внешней активности.

В начале анализа она рассказала повторяющийся сон: она приходит на вокзал, где стоит поезд, но поезд никогда не трогается.

На прошлой неделе она видела этот сон дважды за одну ночь. Я вынужден пропустить много деталей, но суть в том, что в каждом сне она шла туда и обратно по коридору поезда, ища вагон с целой незанятой стороной, чтобы она могла лечь и спать в течение поездки. Миссис Такая-то, женщина, которую Шарлотта любит (и которая сравнивается со мной в том, что она беспокоится за пациентку, но которая озабочена еще и лечением геморроя, в то время как я не делаю ничего для этого), советует ей найти место, чтобы умыться.

В первом сне она находит купе с незанятой стороной, а во втором она находит место для умывания. И в одном, и в другом сне поезд трогается. Именно это последнее, случайное замечание, напомнило мне этот шаблонный сон. Геморрой, который стал клиническим симптомом в это время, привлекал внимание, очевидно, к анальному возбуждению и фантазии; я не был удивлен и найдя путешествия в ее снах. В другом случае пациентка описала, как она шла через парк в тяжелых туфлях, которые помогали ей отделаться от ее чувств, а также как она играла со своим племянником, который заставил ее делать гимнастические упражнения на полу.

Я мог бы указать на мою материнскую роль, с косвенно выраженным побуждением пациентки испачкать меня, пинать и топтать мое тело и т. д., но я чувствую, что я пропущу что-то очень важное, если не отмечу значение уменьшения маниакальной защиты и новые опасности, присущие изменению. Поезд, который никогда не начинает путешествия по рельсам, был картиной всемогущих контролируемых родителей, родителей, удерживаемых в приостановленном оживлении; слова Joan Rivier об «удушении маниакальной защитой» описывают клиническое состояние, которого пациентка в это время опасается. То, что поезд тронулся, показывает уменьшение контроля внутренних родителей и дает предупреждение о новых опасностях, которые присущи этому процессу, и, благодаря потребности в новых защитах, ожидается прогресс развития Эго, вызванный анализом. Таков недавний материал и интерпретация, касающаяся разговора обо мне и моей комнате, и т. д.

Вообще говоря, поезда, которые начинают двигаться, подвержены авариям.

Поиск места для умывания в этой ситуации может быть связан, вероятно, с развитием обсессивной техники, и всего, что касается способности выносить депрессивную позицию и признавать объектную любовь и зависимость.

В следующем часе пациентка чувствовала ответственность за следы ударов на моей двери и грязные отметки на мебели и хотела смыть их.

* * *

Матильда (39 лет) находится в анализе четыре года. Клинически она серьезно обсессивна. В анализе она депрессивна с заметными суицидальными страхами. Она психологически нездоровая личность с самого раннего детства и вообще не помнит ни одного счастливого периода в своей жизни. В 4 года ее не смогли оставить в дневной школе, и где-то с этого времени до позднего детства в ее жизни доминировал страх заболеть.

Слово «конец» не могло быть упомянуто в каком-либо контексте этого анализа, и весь анализ мог бы быть описан как анализ его конца¹⁰.

Только сейчас возник первый реальный контакт, только что проявились анальный интерес и желания, до этого времени глубоко подавленные.

В начале часа, взятого из работы на этой неделе, который я предлагаю к рассмотрению, она старалась рассмешить меня, и смеялась сама над мыслью, что с помощью положения моих рук я сдерживал мочу. С этой пациенткой, как и с другими, я понял, что усилие рассмеяться и рассмешить меня, было сигналом депрессивной тревоги; пациенты могут выказать большое облегчение в быстром признании этой интерпретации и иногда заливаются слезами вместо того, чтобы продолжать смеяться и быть веселым. Пациентка в этот момент представляла собой то, что можно было бы назвать множественной фотографией ее самой. Ее мать хотела получить ее фотографию и считала, что если сделать 48 маленьких фотографий (есть такая технология) одна или две могут быть хорошими. Этот метод соответствует надежде собрать части груди, родителей и себя самого¹¹. Она попросила меня выбрать тот снимок, который мне больше нравится и вообще просмотреть все 48. Она хотела дать мне одну фотографию. Идея заключалась в том, что мне пришлось бы сделать что-то, не относящееся к анализу, и когда, вместо того, чтобы попасться в эту ловушку (незадолго до этого она предупредила меня о подобных ловушках), я начал анализ ситуации, она почувствовала отчаяние, сказала, что никому не даст фотографию, и что совершит самоубийство. У нас появилась хорошая возможность анализа того, что касается предоставления жизни, и я был вовлечен в отрицание ее смерти через способность смотреть и видеть.

Если я не принимал ситуацию, она чувствовала себя раненой, что связывалось с ее крайним беспокойством по поводу фантазии об отвержении материнской груди (заставляющей мать чувствовать себя плохой или поврежденной), как противоположность чувства злости за то, что мать ее фрустрирует. Конец каждого аналитического часа ощущался как сердитый отказ от анализа, от которого она защищала себя, подчеркивая фрустрирующую силу аналитика.

Интерпретация вывела на свет тот факт, что она воспринимала анализ, как оружие в моих руках, и также, что она чувствовала, что для меня реальнее увидеть ее фото (48 ее фотографий), чем увидеть ее саму. Ситуация анализа (в которой она находилась годы, делая для нее анализ единственной реальностью) сейчас впервые показалась ей нереальной, или по крайней мере нарциссическое отношение, отношение к аналитику, которое полезно главным образом для ее собственного облегчения, было взято без связи с ее внутренними объектами. Она вспомнила, что за день или за два до этого, она вдруг подумала: «Как ужасно быть по настоящему одной, как ужасно одиночество».

Быть одному означает содержать в себе (containing) отношения между отцом и матерью. Если они любящие или они счастливы вместе, они пробуждают жадность и ненависть в одиноком человеке, а если они плохие, обкрадывающие, жестокие, борющиеся, они являются таковыми из-за гнева одинокого человека, гнева, уходящего корнями в прошлое.

Этот анализ был очень длительным, отчасти потому, что первые два года я не понимал депрессивную позицию; действительно только во время последнего года у меня было чувство, что анализ хорошо продвигается.

Я выбрал Матильду, главным образом, для иллюстрации чувства нереальности,

¹⁰Эта пациентка была в состоянии оставить анализ после десяти лет регулярного лечения.

¹¹Теперь в этом инциденте я увидел бы намного больше, но думаю, что действовал бы так же, как и тогда.

которое сопровождается отрицанием внутренней реальности в маниакальной защите. Случай с множественными фотографиями был приглашением для меня ухватиться за ее маниакальную защиту вместо понимания ее умирания, несуществования, недостатка чувства реальности.

Резюме

Для этой презентации я выбрал некоторые аспекты маниакальной защиты в ее связи с депрессивной позицией. При этом я вынес на обсуждение термин «внутренняя реальность», и его значение в сравнении с термином «фантазия» и «внешняя реальность».

Мое собственное растущее понимание маниакальной защиты и растущее признание внутренней реальности внесло большие изменения в мою психоаналитическую практику.

Я надеюсь, что мои клинические примеры дали некоторое указание на тот способ, которым маниакальная защита так или иначе проявляется как механизм, столь часто используемый. Аналитик должен иметь его в виду, как и любой другой защитный механизм.

Нельзя сказать, что эти случаи из практики демонстрируют только маниакальную защиту, так как в каждом случае раньше или позже достигается депрессивная позиция и всегда могут ожидать некоторые защиты от нее. И в любом случае анализ окончания анализа (который может начаться в самом начале) включает анализ депрессивной позиции.

Хороший анализ может остаться неполным, потому что конец наступает без его полного анализа; или анализ может быть длительным частично потому, что конец, и успешный результат, соответственно, становятся приемлемыми для пациента только, когда они проанализированы, т. е. после завершения анализа депрессивной позиции и защит, которые используются против нее, включая маниакальную защиту.

Термин «маниакальная защита» стремится охватить человеческую способность отрицать депрессивную тревогу, свойственную эмоциональному развитию, тревогу, которая относится к способности индивида чувствовать вину, а также к осознанию ответственности за инстинктивные переживания и за агрессию в фантазии, которая эти инстинктивные переживания сопровождает.